

## КУЛЬТУРА

С.М. Телегин<sup>1</sup>

*Всероссийский государственный университет  
кинематографии им. С.А. Герасимова*

### **MORTIFICATIO – АЛХИМИЧЕСКАЯ КНИГА МЕРТВЫХ**

Статья посвящена рассмотрению феномена алхимической Книги Мертвых. Автор рассматривает особенности процесса *mortificatio*, его этапы, образы и мотивы. В статье проанализированы различные проявления алхимического Танатоса.

**Ключевые слова:** Алхимия, Танатос, Книга Мертвых, Mortificatio.

S.M. Teleguin

*Gerasimov Institute of Cinematography*

### **MORTIFICATIO – ALCHEMICAL BOOK OF THE DEAD**

The article discusses the phenomenon of alchemical Book of the Dead. The writer deals with the alchemical aspect of the problem of death. Thanatos is treated as phenomenon of alchemy. In the article a wide range of alchemical imagery serving to disclose and update Thanatos issue. The author considers the characteristics of *mortificatio* process, its stages, imagery and motives. The article analyzes various manifestations of alchemical Thanatos.

---

<sup>1</sup> Телегин Сергей Маратович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры во Всероссийском государственном университете кинематографии им. С.А. Герасимова

**Key words:** Alchemy, Thanatos, Book of the Dead, Mortificatio.

В традиционных обществах смерть есть важнейшая составная часть культуры, миросозерцания, мифологии и даже жизни. Платон заметил: «Те, кто подлинно преданы философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью» [Платон, 1999, с. 14]. Если «истинный философ» занят только умиранием и смертью, то также и «истинный алхимик» делает своим главным занятием умирание и смерть. А. Фаргас замечает, что термин «Смерть» в алхимии обозначает «смерть материи» и соотносится с процессами окисления. «Философская смерть» в алхимии обозначает первый этап в процессе очищения материи, что и понимается как ее «смерть». «Умирать» же – это значит доводить материю до состояния гниения и разложения [Fargas, 2008, с. 132]. «Убивать» (*matar*) – это значит и разрушать материю до ее полного разложения, и фиксировать, закреплять летучие элементы» [Fargas, 2008, с. 125]. Также Камала-Джнана поясняет, что умерщвлять означает «размельчать, бить, разрывать. Одним словом, превращать, изменять форму материи». Кроме всего прочено, это означает изменение изначальной формы «под воздействием огня» [Kamala-Jnana, 1961, с. 62].

Один из наиболее авторитетных алхимических авторов А.-Ж. Пернети в «Мифо-герметическом словаре» подчеркивает, что «смерть элементов» в алхимии – это «изменение видимой формы материи магистерия, той, например, какую имеет эта материя в земле после растворения. Философы называют это превращением элементов» [Пернети, 2012, с. 302]. Он также замечает, что смерть «в химическом смысле, это – состояние гниения смешанных, а возрождение – это их воскресение. Вот почему они различают два состояния *смерти*. Одно из них – это *абсолютная смерть* или главное разделение и утрата корней и внутренней формы смешанного, неспособного после этой *смерти* вернуть себе свою первую форму. Второе – это состояние *случайной смерти*, которое есть лишь отделение экскрементов без нарушения чистых корней и внутренней формы, содержащей идею смешанного. Это – *смерть* зерна в земле перед его прорастанием, *смерть* семени в матрице и *смерть* всего, что возрождается зачатием» [Пернети, 2012, с. 302]. «Умирать» для Пернети означает соединение двух алхимических

процессов. Этим термином герметические Философы «обозначают гниение и растворение для придания новой жизни философскому дитяти. Его употребляют также при фиксации летучего после улетучивания. По этому поводу Филалет говорил: “Нужно высушить материю и зафиксировать ее, тогда она умрет”. Затем ее ферментируют, и фермент, являющийся ее душой, возродит ее» [Пернети, 2012, с. 333]. Стремясь постоянно к необыкновенной для алхимических трактатов ясности мысли и проговоренности всех тайн до конца, Пернети поясняет, что «умерщвлять – это значит также изменять внешнюю форму смешанного, как это делают, напр., с ртутием, превращая его из летучего в фиксированный» [Пернети, 2012, с. 333]. Ключевым здесь становится соотношение с процессом умирания фиксации. Зафиксированность рассматривается как «лишение жизни». Поскольку «летучее никогда не *фиксируется* само собой» [Пернети, 2012, с. 342], то для этого его и следует «умертвить». Уже из этого обзора Словарей можно сделать вывод, что опыт смерти располагается в самом центре алхимического процесса.

Алхимический Танатос «всего лишь» держится на понимании того всеобщего факта, что любое живое существо стремится к смерти. Наиболее фундаментальная внутренняя склонность материи – влечение к разрушению. Внутренняя энергия материи, высвобожденная в процессе ее разрушения-расщепления, и используется в процессе трансмутации свинца в золото. Она проявляется во множестве этапов, образов и воплощений алхимического Делания, раскрывая разнообразие жизненных форм материи и богатство самого опыта смерти. В алхимии момент «смерти материи» (этап *Mortificatio*) рассматривается как уникальная возможность для воскресения и преображения. Алхимики смело погружаются в пограничные состояния сознания, где их ждали разнообразные видения (вызванные, главным образом, отравлением ртутными парами). Однако алхимики смогли упорядочить свои видения и подчинить их своей магической практике так, что в них отсутствует прогрессирующий распад личности и, напротив, характерно стремление к мистическому единству. Алхимик чувствует себя уверенно в измененной реальности, поскольку процессы, протекающие в ней, оказываются параллельны тому, что он переживает как реальность в собственной душе. Алхимические

практики, связанные с процессом *Mortificatio*, способствуют глубокому раскрытию души, исцелению и трансформации личности. Они открывают алхимику множественность измерений его души и космоса, влияя на саму концепцию реальности. Алхимическое Делание представляется в качестве схемы кризиса преобразования (трансмутации), когда глубинные слои бессознательного в процессе *Mortificatio* поднимаются на поверхность сознания и переживаются в потоке галлюцинаторных чудовищных образов смерти.

Эти экстатические состояния и видения подробно описаны в группе текстов, распространенных по всему миру и известных как Книги Мертвых. Книга Мертвых открывает возможность подготовки к смерти и даже прижизненной тренировки смертного опыта. Основная задача Книги Мертвых – открыть человеку тайны смерти, сформировать правильное расположение души и помочь в переходе от жизни временной к жизни вечной. В результате прочтения Книги Мертвых душа человека способна открыться навстречу смерти как главному делу и важнейшему испытанию в жизни. Ничто другое не предлагает опыт «правильного» умирания, разрушения и трансмутации «тела», чем алхимическое Делание. В этом смысле Книга Мертвых (египетская, тибетская, орфическая и т.д.) несет в себе описание этапов алхимической трансмутации и может восприниматься в качестве герметического трактата. Это одна из жанрообразующих особенностей любой Книги Мертвых.

Современный алхимик Джаммария Гонелла обращает внимание на еще одну важную особенность жанра Книги Мертвых: «На Пути Спасения Книги Мертвых адресованы не мертвецам, но живым, и предназначены для будущей памяти или же для периода, непосредственно следующего за смертью, согласно предположению, что для покойного он протекает в соответствии с его действиями при жизни» [Джаммария, 2011, с. 84]. Эти слова повторяют наставление, изложенное в тибетской Книге Мертвых: спасение умершего зависит от того, открыл ли он при жизни тайны, изложенные в Книге Мертвых, а если нет, то монах должен читать ее умершему на ухо как своего рода Путеводитель [Bardo Thödol, 1979, с. 20].

Книга Мертвых представляет собой путеводитель по памяти, образы которой и появляются перед умершим в виде богов и демонов. Алхимия же оказывается способом извлечения этих образов и воспоминаний из подсознания. Она же предоставляет

способы для их упорядочения, очищения и преодоления. Благодаря алхимии эти процессы могут быть осуществлены при жизни оператора. Таким образом, алхимическая Книга Мертвых служит учебником умирания и преодоления смерти для живых и при жизни. Это и есть процесс избавления, очищения, сублимации и трансмутации «нашего» или «духовного» Золота, что и является целью алхимического Делания. Алхимик переживает опыт смерти при жизни. Это и составляет основу алхимической практики инициатической «мистической смерти» и «второго рождения». Об этом и говорит Джаммария: «Герметико-алхимический оператор имеет возможность практиковать *Ритуал*, пока он жив, для того, чтобы суметь повторить его согласно сценарию, будучи мертвым, и использовать свой последний шанс, последнюю возможность перерождения...» [Джаммария, 2011, с. 87]. Этим сценарием и оказывается Книга Мертвых. В сущности, любая алхимическая книга уже есть Книга Мертвых, поскольку в ней повествуется о смерти и воскресении материи, тела и души.

Процесс *Mortificatio* имеет отношение к опыту «смерти». Ю. Эвола точно передает философию алхимической «смерти»: «Чтобы вернуться к жизни, мертвое должно умереть» [Эвола, 2010, с. 101]. Иначе говоря, следует «убить живое и воскресить мертвое». Алхимик Иреней Филалет напоминает, что «наше Золото» не является «физическим или вульгарным золотом». «Истинно, что вульгарное золото – мертвое» [Principios, 2011, с. 14]. Обычное физическое золото необходимо «умертвить», разложить, чтобы оно воскресло как «живое» алхимическое Золото. Тело, следовательно, нужно разорвать, расчленив, сгноить. Боги Осирис, Адонис, Дионис должны быть зверски убиты и растерзаны.

Смерть необходима для того, чтобы преодолеть более низкие формы существования тела и духа. Если душа (по Платону) в момент воплощения в теле «забывает» весь свой опыт пребывания в высшем духовном мире, то так же в момент смерти освобожденная и преображенная душа «забывает» и о земном телесном опыте. Момент смерти – это трансформация души, ее выход на более высокий план бытия. Это «забывание» о телесном опыте совпадает с дезинтеграцией самого тела, его гниением, разрушением, уничтожением в могиле или в огне (как об этом писал Камала-Джнана). Пройдя этот опыт, душа возрождается,

освобождается от нечистот физического тела и грезы мира сего. Однако этап схождения в могилу здесь оказывается обязательным. Пернети замечает, что герметические Философы часто обращаются к термину «могила», «чтобы аллегорически описать гниение материи делания. Они утверждали вследствие этого, что необходимо брать землю *могил*, опустить Короля в *могилу*, чтобы превратить его в золу и затем воскресить» [Пернети, 2012, с. 201]. Могилкой или Гробницей также называли «стеклянный сосуд, где происходило гниение материи» [Пернети, 2012, с. 90], атанор и «философское яйцо» [Fargas, 2008, с. 177].

Неслучайно, что один из главных алхимических афоризмов призывает искать «сокровище» в глубинах земли. Слово VITRIOLUM рассматривается как акростих или аббревиатура фразы: «*Visita Interiora Terrae Rercificando Invenies Occultum Lapidem Veram Medicinam*», что означает: «Посети недра земли, очищением обретешь тайный камень, истинное лекарство» [Пернети, 2012, с. 65; Fargas, 2008, с. 203]. В *Mortificatio*, как видно, происходит встреча с Тенью. Проникновение в бессознательное («недра земли») оказывается обязательной частью этого процесса. Это болезненный этап, приводящий к ранам, поражению, болезням и смерти. Эдингер подчеркивает: «*Mortificatio* переживается как поражение и отказ. Само собой разумеется, не каждый и не всегда сделает выбор в пользу такого опыта» [Эдингер, 2011, с. 210]. Но это необходимый опыт, навязанный самой жизнью и, следовательно, жизненно необходимый. Опыт умирания и разложения необходим для жизни в ее полноте и совершенстве. Обращаться к бессознательному, погружаться в Тень, значит делать себя несчастным, претерпеть ущерб, смуть. Однако этого невозможно избежать, если человек желает очиститься от инстинктов и коллективного бессознательного. Следствием этого оказывается встреча автономной души с Самостью («тайный камень») и ее освобождение и излечение («истинное лекарство»).

Процесс *Mortificatio* соответствует алхимическому этапу *nigredo*. «Nigredo, – пишет М. Серрано, – это переходный процесс, распад эгоистической личности героя-жреца, выраженный его добровольной смертью, подобный *вхождению* Бога в эту обратную Вселенную Врага, Демидурга, управляемую случайностью и роком» [Серрано, 1994, с. 29]. В этот момент перехода Божественная сущность затемняется, загрязняется и распадается. Происходит

«смерть Бога» или его сознательное самопожертвование. «В nigredo, – продолжает Серрано, – черной стадии алхимического посвящения, внутренне повторяется этот процесс падения и растворения. Эзотерически это можно обозначить как “мистическую смерть”, “магическую смерть”, потому что здесь “я” подвергается опасности исчезновения, “смерти”» [Серрано, 1994, с. 30]. Чернота стадии nigredo – это и есть Тень, бессознательное.

Погружение в эту тьму («недра земли») в алхимии понимается как сходжение в Ад, в Тартар. Для алхимика Ад, Преисподняя – «нижняя зона или дно сосуда, где проводится алхимическая операция» [Fargas, 2008, с. 109]. В эту область опускается шлак, грязь, нечистоты, появившиеся в результате Делания. Это вся та нечистая материя, которая осталась после операции и подверглась не трансмутации, а отделению и вытеснению (бессознательное). Это отработанная материя, которая уже не может служить материалом для Делания, не несущая никаких полезных качеств. Тартар Философов, как пишет Пернети, – «это материя делания в состоянии гниения. Иногда они подразумевают под Тартаром бесполезную и утомительную работу плохих мастеров и говорят, что они обречены на Тартар» [Пернети, 2012, с. 316]. То же он пишет и об Аде. Это слово герметические Философы «употребляют в отношении своей материи во время гниения, потому что черное отражает мрак, а Ад – место тьмы и ужасов» [Пернети, 2012, с. 19]. Сам этап nigredo непосредственно связан с чернотой и гниением «мертвой» материи. Для алхимика «черное чернее самого черного» (nigredo) – это «материя делания в состоянии гниения, так как в этот момент она напоминает расплавленную сажу. <...> В мифах черное всегда указывает на гниение, подобное трауру, печали и часто смерти. <...> На гниение в трудах Философов всегда указывает нечто черное. Это может быть голова вороны, мрачное одеяние, дрозд Иоанна, сумерки, ночь, затмение Солнца и Луны, жуть могилы, преисподняя и смерть» [Пернети, 2012, с. 355].

*Mortificatio*, как вино, непосредственно связано с процессом *Putrefactio*, «гниением», разложением мертвых органических тел. Об это пишет, в частности, М. Руландус: «Гниение или разложение происходит, когда тело становится черным. Тогда оно пахнет как экскременты и затем происходит истинное растворение. Элементы разделяются и разрушаются»

[Rulandus, 2001, с. 218]. Здесь смерть и гниение тела проецируются на алхимический процесс. «Все живое при гниении умирает; все мертвое гниет и обретает при этом новую жизнь. <...> Иногда Философы называли *гниением* материю, достигшую черноты, ибо чернота есть его результат и истинный признак», – подчеркивает Пернети [Пернети, 2012, с. 87]. Наконец, Василий Валентин открывает: «Важно понять главное: ключ ко всем подобным превращениям – гниение, главный источник разделения и трансмутации веществ» [Василий Валентин, 1999, с. 163]. Гниение – весьма болезненный процесс, а *Mortificatio*, как замечает Эдингер, «наиболее негативно окрашенная операция в алхимии. Она связана с тьмой, поражением, пыткой, увечьем, смертью и разложением» [Эдингер, 2011, с. 183]. Знаками этого процесса являются мертвый король, скелет, могила, череп, пустыня, Черное Солнце, негр, ворон, экскременты и т.д. Он всегда связан с черным цветом, болезнью, убийством, обезглавливанием, расчленением, смертью и гниением. В психологии все эти образы и мотивы связаны с архетипом Тени.

Изображение скелета довольно часто появляется в алхимических трактатах [Roob, 2006, с. 198-201]. Четвертая фигура в «Двенадцати ключах мудрости» Василия Валентина изображает скелет, стоящий на собственном гробе [Василий Валентин, 1999, с. 88]. Мастер поясняет этот рисунок: «Всякая плоть от земли берется и в землю отходит, и вновь землю становится, пока соль земли не даст нового порождения через серу небесной жизни. Там, где прежде земли не было, не может в нашем Делании произойти возрождения. В то же время земля содержит природный бальзам и соль тех, кто ищет познания всех вещей» [Василий Валентин, 1999, с. 91]. Э. Канселье так комментирует изображенный на этом рисунке процесс гниения: «Навоз, то есть продукт органических отходов, насыщает землю питательными началами, необходимыми для роста и развития растений. Так же и в нашем “земледелии” сера и ртуть алчут и жаждут питательных веществ, способных быть для них подобием растительного тука. Эти искусственно вводимые живительные и ферментированные составы с необходимостью соединяют вещественность с разложением во исполнение герметической аксиомы: “*Corruptio unius est generatio alterius*”», что означает: «Разложение одних есть порождение других» [Василий Валентин, 1999, с. 89]. Изображение в алхимических трактатах процессов гниения и особая фиксация на



скелете должно было привести герметического Философа к осознанию того факта, что человек – это нечто большее, чем просто тело. Преодоление тела позволяет раскрыть свою духовную основу и сосредоточить внимание на трансцендентных реальностях.

На некоторых рисунках скелет стоит на Черном Солнце [Roob, 2006, с. 199], которое также обозначает алхимическую *prima materia* [Fargas, 2008, с. 183]. С. Марлан замечает, что «Черное Солнце – это тьма, *putrefactio, mortificatio*, нигредо, пытка, убийство, разложение, гниение и смерть – вся сеть взаимосвязей, которые описывают ужасающие, на чаще всего временные, затмения сознания или нашей сознательной точки зрения» [Марлан, 2011, с. 21]. Черное Солнце – это Солнце мертвых, оно светит в преисподней или в «противоположной Вселенной» тотальной боли и ужаса. Это противоположный Гелиос, и Марлан утверждает, что Черное Солнце «содержит в себе аспект Бога, который близок к этой темноте, к тайному аспекту Бога» [Марлан, 2011, с. 216]. Это внутреннее ядро души, божественная Самость в своем противоположном, невыявленном состоянии или небытийность трансцендентного Бога. Трансцендентное Черное Солнце несет в себе ослепительный свет Зеленого Луча возрождения и трансмутации, который желали узреть мистики во все эпохи и по всему миру.

То же относится и к мотивам расчленения и обезглавливания. Так, в трактате Соломона Трисмозина «*Splendor Solis*» помещен рисунок, на котором воин (алхимик) разрубает на части тело нагого мужчины («наш Меркурий») [Roob, 2006, с. 185]. На рисунке из трактата Авраама Елеазара Сатурн отсекает Меркурию ноги [Roob, 2006, с. 179]. Тело «нашего Меркурия» должно быть подвергнуто не просто смерти, но именно расчленению, если алхимику угодно, чтобы он породил из себя «живое Золото». Парадоксально, но эти процессы полностью совпадают с тем опытом, который умерший переживает в преисподней. В тибетской Книге Мертвых гневные богини «разрывают труп на части и пожирают его» [Bardo Thödol, 1979, с. 71-72]. Также довольно часто изображается отсечение головы или мертвая голова. В тибетской Книге Мертвых говорится, что злые демоны нападают на человека с криками «Бей, убивай!», «лижут человеческий мозг, отрывают у тел головы и сердца» [Bardo

Thödol, 1979, с. 76]. Мертвой головой в алхимии называют все те нечистоты, которые остаются на дне реторты после дистилляции или сублимации [Fargas, 2008, с. 48]. В процессе расчленения именно земля именуется «мертвой головой» [Пернети, 2012, с. 277]. Поскольку ее требуется отделить от летучего «духа Меркурия», то это и представлено как отсечение головы или расчленение. Согласно «герметической Химии», расчленять, расщеплять «значит превращать растворимое тело в воду при помощи ртути, то есть реинкрудировать его, чтобы заставить гнить и расположить к порождению сына Солнца» [Пернети, 2012, с. 277].

Не просто расчленение, а именно обезглавливание оказывается центральным событием алхимической драмы. Дж. Рафф комментирует это так: «Обезглавливание является первым шагом в алхимическом процессе, представляя собой *mortificatio* и *putrefaction*» [Рафф, 2013, с. 186]. Обезглавливание означает разделение субстанции, за которой следуют смерть и гниение, приводящие в дальнейшем к перерождению. Лишение головы означает также погружение в бессознательную сферу, опускание на досознательный уровень, где сознание подвергается разложению или, по крайней мере, затемнению. Это «отделение живого сознательного принципа от *prima materia*», – заключает Рафф [Рафф, 2013, с. 187]. Опыт утраты умершим головы описан не только в тибетской, но и в египетской Книге Мертвых, а также в эпосе «Пополь-Вух». Голова является сакральным объектом, обозначающим совершенного и завершенного человека. Ее круглая форма становится знаком Самости и цельности. При этом отделенная, отсеченная голова, как и процесс обезглавливания, по словам Марлана, «отражает эту полноту, как выделенную из эмпирического человека» [Марлан, 2011, с. 204]. Это отделение головы от эмпирического телесного опыта и позволяет осознать ее в качестве образа целостности и совершенства Самости. При этом алхимически такая голова воспринимается как сосуд трансмутации, преобразования телесного в духовное, в совершенное.

Как видно, алхимические процессы расчленения и гниения тела имеют много параллелей с опытом смерти, описанным в Книге Мертвых. Это связано с тем, что опыт смерти в алхимии выходит далеко за рамки обычного повседневного опыта простого человека. Переживание опыта смерти в алхимии должно было

изменить отношение самого алхимика к смерти. Алхимическое Делание предстает как процесс самоисследования, в результате которого алхимику должен открыться пост-смертный опыт во всей своей интенсивности, последовательности и ясности. Таковым он предстает и в Книге Мертвых. Сверхъестественные и жуткие образы, возникающие в связи с пост-смертным опытом, могут быть поняты и приняты человеком благодаря алхимической практике. Процесс умерщвления охватывает не только материю, но и самого алхимика. Герметические Философы считают, что умерщвление девяти чувств человека должно охватывать всю его биологическую и психическую природу, распространяясь и на тело, и на душу алхимика. Это «умерщвление чувств» ставит своей целью дисциплинирование, без которого алхимик может пережить духовное падение, а процесс трансмутации не состоится [Ambelain, 2003, с. 38]. Таким образом, *Mortificatio* должно привести к смерти и разрушению собственного Эго. *Mortificatio* алхимическим языком представляет процесс психологической смерти эгоистической индивидуальности.

Вместо Эго контроль над человеческой душой устанавливает активное воображение. Оно и реализует свою власть, проводя душу через поток inferнальных параноидных образов. Опыт общения алхимика с образами предсмертного бреда позволяет преодолеть прежние состояния сознания и выйти на новый уровень Сверхсознания и Самости. Сила воображения открывает опыт общения с бессознательным, а преодоление бессознательного вызывает экстатические состояния, позволяющие проникнуть в области Сверхсознания, где и скрывается энергия, необходимая для трансмутации *prima materia* и души алхимика.

Изменение прежних форм существования, отказ от предыдущих состояний бытия рассматривается как смерть. Для этого алхимик должен пожертвовать своим прежним догматическим и вульгарным сознанием (обезглавливание) и соединиться с бессознательным (погружение в землю, в могилу, в гроб). Прежнее вульгарное Я должно отказаться от чувства господства над душой, которая и освобождается от тела в процессе *mortificatio*. Так действует принцип, что «наше Золото не есть вульгарное золото». Вместо сформированного прежним телесным опытом Я возникает чистое воображение, реализующееся в потоке

образов мира мертвых и в этапах прохождения души по inferнальным сферам загробного мира, подробно описанных в «Божественной комедии» Данте. Этот опыт и формирует алхимическую Книгу Мертвых. Эго чувствует себя лишенным самостоятельной энергии, «мертвым». Оно оказывается захвачено Тенью, погруженным в бессознательное и переживает опыт активного воображения. Одна из главных способностей бессознательного – умение создавать образы. Однако на данном этапе это сплошь бредовые образы опыта смерти.

Алхимия наделяет особой ценностью процессы разрушения, разложения и смерти. Она представляет опыт смерти как неотделимый от жизни. Опыт смерти, как это видно из алхимических трактатов, передается в потоке живых знаков и в жизненных операциях. Мучительные кошмары, опасные и губительные экстазы опыта смерти предстают как соблазнительный и опьяняющий жизненный опыт. Дело в том, что в алхимии (как и в инициации) смерть не противоположна жизни, но смерть противоположна акту рождения в общем потоке бесконечных жизненных трансмутаций. Возвышенная агония перехода соединяет рождение и смерть в ужасающем водовороте потока жизни. Процесс разрушения в момент смерти предстает не как отрицание жизни, а как окончательный и сконцентрированный процесс, сопровождающий на самом деле всю жизнь человека. Поэтому и в тибетской Книге Мертвых говорится, что даже «зубитое и расчлененное тело не может умереть. В действительности твоя природа есть Пустота, так что не стоит испытывать страх» [Bardo Thödol, 1979, с. 76]. В этом смысле страх смерти выражает на самом деле страх перед тайнами жизни.

Однако в этот момент смерти материи открывается также и возможность спасения (*albedo*) и трансмутации (*rubedo*). Процесс разложения, гниения – это опыт самого процесса жизни. Но через преодоление разложения и гниения в смерти открывается возможность возрождения. Это и делает жизнь бесконечным процессом (алхимическое бессмертие), в котором, по словам Марлана, «смерть и возрождение вместе формируют центральную тайну и парадокс Черного Солнца» [Марлан, 2011, с. 96]. Смерть не есть прерывание жизни и небытие, но смерть есть этап жизненного процесса, через который Бытие может быть осознано. Тайна души может быть открыта лишь в процессе *mortificatio*. Для познания души совершается сошествие в ад, переживание опыта

смерти и разрушения тела. Вне опыта *mortificatio* трансмутация невозможна. И напротив, алхимическая трансмутация есть способ разрешения проблемы смерти.

Описание алхимических процессов – это картина, отражающая содержание личности самого алхимика. Внутренние духовные процессы, идеи, мыслеформы, протекающие в душе алхимика, объективируются и разворачиваются в череде символических галлюцинаторных образов, картин и даже связанных сюжетов. Алхимический процесс, его составляющие, его образы и даже состав *prima materia* и философского Камня индивидуальны для каждого алхимика и не воспроизводимы другим даже самым продвинутым адептом герметического искусства. Одинаковы только механизмы процесса и способы трансмутации, но его конкретное содержание всегда уникально, глубоко лично. Божества, демоны, животные и чудовища в алхимических текстах лишь замещают те или иные личные психические состояния. Это галлюцинаторные образы, представляющие собой объективированные душевные процессы. Они отражают мыслеформы и духовные порывы самого алхимика. Так в тибетской Книге Мертвых постоянно подчеркивается мысль, что любые Добрые или Гневные Божества, испытывающие умершего, – это не более чем «порождения твоего собственного разума» [Bardo Thödol, 1979, с. 67-76].

Процессы, проходящие с этими богами и животными или совершаемые ими, протекают в душе алхимика, совершаются над ним самим. Мирные, позитивные образы проистекают из сердца алхимика. Они призваны помочь ему восстановить утраченную душевную гармонию, совершить мистику *Coniunctionis*. Гневные божества и страшные образы отражают деятельность рассудка и являются импульсами головного мозга. Они подвергают тело алхимика суровым испытаниям, а материю – разрушению, разъединению. Дело в том, что разум человека постоянно находится в состоянии внутреннего спора, разъединенности отдельных элементов и импульсов. Однако алхимик должен знать, что как чувства, переживания, исходящие из сердца, могут трансформироваться в мысли, так и чудовищные монстры и ужасы есть лишь обратная сторона мирных и созидательных образов. Прекрасная Диана есть лишь трансформированная губительная Кали, как и Черное Солнце есть лишь перевернутое Золотое

Солнце. В алхимии этап *albedo* есть лишь трансформированный этап *nigredo*. В тибетской Книге Мертвых прямо сказано, что «Гневные Божества – это не более чем другие проявления Мирных Божеств», облик которых изменился в соответствии с местом или психическим состоянием умершего [Bardo Thödol, 1979, с. 61].

Тема смерти в алхимических трактатах раскрывается в возвышенно-трагическом ключе. Смерть как проявление независящего от человека внешнего обстоятельства и страх от этого алхимически трансформируется в величественную и возвышающую человека божественную судьбу, ведущую его к самопреодолению и умалению Эго. Безысходность и безнадежность переходит в катарсис и обожение. Смерть в алхимии – это не то, что неизбежно, неотвратимо, а то, что необходимо как этап в процессе трансмутации. Миросозерцанию алхимика свойственно возвышенное переживание страха смерти. Этот пережитый благодаря алхимическому Деланию опыт смерти улучшает психофизическое состояние алхимика, вливает в него новые силы для продолжения операции, даже омолаживает его, что хорошо известно, например, из биографии Никола Фламель. Общее физическое здоровье и радость жизни оказываются в алхимии прямым следствием как полученного Эликсира, так и приобщения к позитивному опыту смерти. Алхимик чувствует себя перерожденным, очищенным, обновленным, и он на самом деле переживает эти процессы регенерации. Этот этап связан с процессами очищения и отбеливания.

Этап белизны (*albedo*) – это победа над смертью. Побеление материи означает, что «тело преодолело смерть». Окончательный этап смерти, как для человека, так и в алхимии, – «просветление». Чаще всего такое отбеливание связано или с омовением, или с выжиганием материи. Рассечение и гниение в *nigredo* сменяется сжиганием и омовением в *albedo*. Грубая материя претерпевает гниение и возгонку своих летучих элементов. В *albedo* в результате такой сублимации появляется уже тонкое эфирное тело (небесная Диана, голуби Дианы). Эта сублимация может пониматься как более высокий уровень бытийности Тела. В этот момент Герой, по словам Серрано, становится «возрожденным, Дваждырожденным» [Серрано, 1994, с. 31]. Эвола считает, что «по отношению к Телу это в точности соответствует высшей функции, то есть функции сверхиндивидуальных духовных принципов, символически

обозначаемых более *благородными* металлами: Серебром, а затем Золотом» [Эвола, 2010, с. 216]. В трактате «*Pretiosa Margarita*» показано, как старого короля убивают, кладут в гроб, затем вынимают и очищают его кости. Одну из костей вновь помещают в гробницу, из которой затем выходит возрожденный король [Roob, 2006, с. 188-192]. Так совершается алхимическая метаморфоза.

Поскольку «чернота есть начало белизны», то *mortificatio* открывает дорогу к очищению, воскрешению. Как пишет Руландус, в результате *putrefactio* сначала происходит полное «разделение и разрушение. Затем появляется множество цветов до момента, когда будет одержана победа и все воссоединится» [Rulandus, 2001, с. 218]. Гниение в алхимии предшествует рождению. Оно уничтожает старую природу, чтобы убрать из материи остроту и едкость, оставив только «мягкость и сладость». В алхимии действует принцип, что все живое умирает, мертвое тело распадается, а затем все ранее умершее и очистившееся обретает новую жизнь. Так из темноты рождается свет, из *nigredo* начинается *albedo*. Поэтому знаками *mortificatio* являются, среди прочего, зерно, брошенное в землю, посев, всходы, исцеление, жертвоприношение и возрождение. Особенно часто алхимики обращаются к мотиву зерна, брошенного в землю. Иреней Филалет говорит, что «наше Золото» должно умереть и воскреснуть, «в равной мере как зерно пшеницы, умирая в житнице, возрождается в земле» [Principios, 2011, с. 14]. Так и в египетской живописи из мумии мертвого Осириса прорастают колосья пшеницы. Смерть, похороны соотносятся с посевом семян в землю. Воскресение связывается с образами прорастания зерна.

Василий Валентин разъясняет: «Никакая плоть – ни человеческая, ни животная, не способна к плодоношению и размножению, не переживя исления. Семя земли и все, принадлежащее к растительному царству, не способно расти, не согнивая. <...> Семя в земле гнивает само собою и чрез посредство стихий порождает плотную материю в естественных ее формах. <...> Тебе следует знать: все, чему положено родиться из гниения, с неизбежностью рождается. <...> Гниение же рано или поздно порождает проявление. <...> Как и семя растительное и семя животное, о чем уже было сказано, не может умножиться без гниения, так и разложение металлов есть предпосылка их совершенного развития под воздействием стихий» [Василий

Валентин, 1999, с. 119-124]. Эти слова означают, что из «мертвого» обычного золота следует выделить его семя. Оно погружается в «землю» *prima materia*, откуда и прорастает уже в виде «нашего Золота». Такова метаморфоза, переживаемая в мире мертвых.

Так и для Пернети умерщвление – «это вид превращения в порошок, который располагает умерщвленные тела к новому зачатию. Так это происходит с семенами растений, посеянными в землю, чтобы они там проросли и выпустили новые ростки, подобные тем, от которых они сами произошли. По этому поводу известна аксиома: “*Порча тела есть начало зачатия другого*”, так как доказано, что не может быть зачатия, которому бы не предшествовало умерщвление. Данный вид порчи назвали *умерщвлением* потому, что данное гниение происходит медленно, и семена как бы умирают» [Пернети, 2012, с. 333]. По этой причине алхимию часто называют «небесным земледелием», поскольку она имеет дело с «небесными» или астральными семенами – зародышами философского Камня и «нашего Золота».

Сеяние зерен в землю и сеяние «семени Золота» в *prima materia* в алхимии – один и тот же процесс. Эдингер приводит психологический комментарий к этому тезису: «Сеяние золота – это замечательный образ. Золото символизирует свет, ценность, сознание. Посеять его – значит принести в жертву, пожертвовать им мортификации в надежде на то, что оно умножится. Так же, как зерно отделяют и не съедают, так и зерно сознания не подлежит использованию, чтобы оно выжило. Вместо этого оно приносится в жертву бессознательному, обрекается на своего рода добровольную смерть, лишаясь физического комфорта и рациональности. Можно позволить себе быть менее благополучным, но более близким к совершенству и целостности» [Эдингер, 2011, с. 198]. Психологически прорастание «семени Золота» означает «прорастание» Самости сквозь бессознательное и обретение духовного совершенства.

Король, Солнце должны пережить опыт алхимической смерти и воскресения, поскольку, как считает Эдингер, «то, что подвергается *mortificatio* и возрождению, является не чем иным как коллективным образом бога» [Эдингер, 2011, с. 187]. Это обоготворение и соотносится в психологии с обретением Самости. Алхимически «мертвое тело» должно соединиться с «живой водой» в единое тело, которое и подвергается трансмутации



благодаря двойственной природе. Эта трансмутация и возрождение «нашего Золота» становится возможным благодаря введению в его «мертвое» тело жизненного элемента или благодаря введению в материю преобразующей ее энергии. Материя при этом понимается как способ существования Духа. Тело воспринимается как функция духа, дух же предстает как высший уровень существования сублимированной материи. Телесное трансформируется в духовное, не переставая быть таковым. Духовное же тело остается телом, «забывая» при этом о телесном и обретая сверхъестественные способности. Без понимания этого парадокса невозможно постичь тайны алхимического опыта смерти.

В этом опыте умирания видения расчлененного или разлагающегося тела свидетельствуют о глубоком психосоматическом напряжении. Их интенсивность, яркость, красочность обозначает пробуждение именно тех структур подсознания, которые имеют наибольшее эмоциональное значение для алхимика. Навязчивая деструктивность, направленная на внешнее тело, связана со стремлением алхимика пробиться к темным, тайным сторонам собственной души сквозь установленные защитные механизмы и ограничения. Устранение ограничений также проявляется в моделях асоциального и криминального характера. Отсюда в трактатах появляются темы массового террора, кровопролития, инцеста, инфантицида, считающиеся в алхимии метафорами важнейших и ценнейших процессов. Подобные интуитивные галлюцинаторные образы напрямую связаны с психодинамическими процессами внутри самого алхимика. Они говорят о стремлении алхимика освободиться от эмоциональных, физических и психических блоков ради высвобождения такого количества внутренней энергии, которая и необходима для успешного проведения трансмутации.

Эмоциональные и психические силы, разрушительные по причине их блокировки (процесс разложения), оказываются созидательными в момент разблокировки (расчленение, кровопролитие) и ведут к очищению и возрождению (проросшее зерно, Философский Камень, Ребис). Поскольку зачастую эти силы олицетворяются и появляются в виде мифологических существ, то к их интерпретации применим метод мифореставрации.

Разрушительные силы, негативные энергии принимают образы злых существ (дракон, пожирающий волк, черти), от которых алхимик (в облике рыцаря-всадника) пытается избавиться (драконоборство). Стремление в алхимии к переживанию опыта смерти свидетельствует не о желании разрушить физическое тело, но о тяге к трансцендентному, к смерти ради воскресения и преображения (трансмутация, Феникс). Опыт смерти в алхимии, как видно, влечет за собой удовлетворение жажды совершенства. Таким образом достигается важнейший результат – снятие страха смерти. Ведь страх смерти, среди прочего, связан с боязнью утратить контроль над своим телом. Алхимия представляет возможности для сохранения этого контроля и даже проведения специальных операций по трансмутации тела. Психологическое переживание опыта смерти и возрождения в алхимии предстает как удивительное приключение с позитивным финалом. В алхимии «смерть тела» воспринимается радостно, поскольку является лишь первым, хотя и болезненным, этапом в общем процессе возрождения и трансмутации.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василий Валентин.** Двенадцать ключей мудрости / Василий Валентин. – М.: Беловодье, 1999. – 304 с.
- Джаммария.** Эта неизвестная Алхимия / Джаммария. – М.; Воронеж: Terra Foliate, 2011. – 256 с.
- Марлан, С.** Черное солнце: Алхимия и искусство темноты / С. Марлан. – М.: Клуб Кастилия, 2011. – 256 с.
- Пернети, А.-Ж.** Мифо-герметический словарь / А.-Ж. Пернети. – Киев: ИП Береза, 2012. – 384 с.
- Платон.** Федон. Пир. Федр. Парменид / Платон. – М.: Изд. «Мысль», 1999. – 528 с.
- Рафф, Дж.** Мистерии воображения: Алхимия и психология Юнга / Дж. Рафф. – М.: Клуб Кастилия, 2013. – 284 с.
- Серрано, М.** Воскрешение героя / М. Серрано. – М.: Русское слово, 1994. – 64 с.
- Эвола, Ю.** Герметическая традиция / Ю. Эвола. – М.; Воронеж: Terra Foliate, 2010. – 288с.
- Эдингер, Э.** Анатомия души: Алхимический символизм психотерапии / Э. Эдингер. – М.: Клуб Кастилия, 2011. – 300с.
- Ambelain, R.** La Alquimia espiritual: tecnica de la via interior / R. Ambelain. – Buenos Aires: Ed. El Jagüel, 2003. – 90 с.

**Bardo Thödol.** El libro tibetano de los muertos. – Barcelona: Vision Libros, 1979. – 154 c.

**Fargas, A.** Diccionario de Alquimia / A. Fargas – Madrid: Ed. Mandala, 2008. – 208 c.

**Kamala-Jnana.** Dictionnaire de Philosophie Alchimique / Kamala-Jnana – Argentiere: Ed. Charlet, 1961. – 108 c.

**Principios** para dirigir las operaciones en la Obra hermetica. Mutus Liber. – Madrid: Ed. Mestas, 2011. – 90 c.

**Roob, A.** Alchemy & Mysticism / A. Roob. – Köln: Taschen, 2006. – 576 c.

**Rulandus, M.** Diccionario de Alquimia / M. Rulandus. – Barcelona: MRA, 2001. – 272 c.